

DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-6-16
УДК 339.5, 339.7, 339.9(045)
JEL F18, F54, F65

Глобальные вызовы и риски на пути достижения российским предпринимательством целей устойчивого развития ООН

А.А. Ткаченко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Россия полностью выполняет взятые на себя обязательства по достижению целей устойчивого развития ООН на фоне глобальной нестабильности в мире, рисков и угроз, затрагивающих интересы общества и государства, что не может не влиять на возможности российского бизнеса и предпринимательства в их внешнеэкономической деятельности. Поэтому взаимоотношения российского государства и предпринимательства должны строиться на умении договариваться и находить компромиссы в решении стоящих перед ними задач. *Предмет исследования* — влияние выполнения обязательств государства, взятых в рамках внешнеполитических договоренностей по достижению целей устойчивого развития, на возможности развития российского предпринимательства, в первую очередь малого бизнеса, и на его экспортно — импортную деятельность. *Цель работы* — анализ возможностей российских предпринимателей по развитию своего бизнеса в рамках выполнения взятых на себя обязательств по переходу к экологически чистому производству и достижению других целей устойчивого развития исходя из государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса. Выявлена особая роль в выполнении вышеуказанных задач российских микропредприятий, которые успешнее пережили кризис, связанный с пандемией коронавируса, чем малый бизнес. Обращено внимание читателей журнала на географическую направленность российского бизнеса, в том числе на возможности его переориентации в восточно-азиатском направлении, и *сделан вывод* о явном отставании и недостаточности развития сотрудничества со многими странами африканского континента. Обоснована необходимость финансово-налоговой реформы для успешного развития в условиях санкций не только локального бизнеса, но и регионов в целом в условиях недостаточного финансирования и сужения возможностей государственной поддержки. Показаны важность передачи управленческих навыков и инновационных знаний, имеющихся у крупных предприятий, местному бизнесу, а также целесообразность значительного расширения прерогатив региональных властей в налоговом регулировании деятельности частного бизнеса.

Ключевые слова: цели устойчивого развития; экологическое равновесие; «зеленая» модернизация; страны Африки; иностранные инвестиции; энергетически независимые страны; малый бизнес; энергетика; предпринимательство

Для цитирования: Ткаченко А.А. Глобальные вызовы и риски на пути достижения российским предпринимательством целей устойчивого развития ООН. *Экономика. Налоги. Право.* 2022;15(5):6-16. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-6-16

ORIGINAL PAPER

Global Challenges and Risks on the Way to Achieving the UN Sustainable Development Goals by Russian Entrepreneurship

A.A. Tkachenko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Russia fully fulfills its obligations to achieve the UN Sustainable Development Goals against the background of global instability in the world, risks and threats affecting the interests of society and the state, which cannot but affect the opportunities of Russian business and entrepreneurship, especially in their foreign economic activities. Therefore, the relationship between the Russian state and entrepreneurship should be based on the ability to negotiate and find compromises in solving the tasks facing them. *The subject of the study* is the impact

© Ткаченко А.А., 2022

of the fulfillment of state obligations undertaken within the framework of foreign policy agreements to achieve sustainable development goals on the development opportunities of Russian entrepreneurship, primarily small business, and its export – import activities. *The purpose of the work is to analyze the opportunities of Russian entrepreneurs to develop their business within the framework of fulfilling their obligations to transition to environmentally friendly production and achieve other sustainable development goals based on the state policy of supporting small and medium – sized businesses.* A special role in the implementation of the above tasks of Russian microenterprises, which survived the crisis associated with the coronavirus pandemic, is revealed more successfully than small businesses. Readers' attention is drawn to the geographical orientation of Russian business, including the possibility of its reorientation in the East Asian direction, and a conclusion is drawn about the obvious lag and insufficiency of cooperation with many countries of the African continent. The necessity of financial and tax reform is justified for the successful development of not only local businesses under sanctions, but also the regions themselves in conditions of insufficient funding and narrowing of state support opportunities. The importance of transferring managerial skills and innovative knowledge available from large enterprises to local business is shown, as well as the expediency of significantly expanding the prerogatives of regional authorities in tax regulation of private business activities.

Keywords: sustainable development goals; ecological balance; “green” modernization; African countries; foreign investment; energy independent countries; small business; energy; entrepreneurship

For citation: Tkachenko A.A. Global challenges and risks on the way to achieving the UN sustainable development goals by Russian entrepreneurship. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(5):6-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-6-16

ВВЕДЕНИЕ

Вызовы и риски, с которыми столкнулась Россия в 2021–2022 гг., затрагивающие большинство ее интересов на региональном и глобальном уровнях, не могут не влиять на российский бизнес¹: учитывающий, с одной стороны, в своей деятельности запросы общества, а с другой стороны, — интересы государства, которое не может не защищать своими институциями интересы предпринимателей и бизнеса, учитывать их в своей политике на всех уровнях: международном, федеральном, региональном и даже местном (муниципальном).

Рассмотрим отдельные направления развития российской экономики, связанные с глобальной задачей достижения целей устойчивого развития ООН²

¹ Основные отличия двух сходных понятий: «бизнес» и «предпринимательская деятельность», — заключаются в подходе к наличию доли государства в собственности владеющего предприятием или бизнесом лица и степени риска, которой он подвергается: если бизнес — это любая предпринимательская деятельность, которую ведут субъекты рыночной экономики и государственные органы, включая госхолдинги, согласно в большинстве случаев уже выработанной модели управления за счет собственных или заемных средств для получения прибыли, тогда как предпринимательская деятельность — это инициативное и самостоятельное осуществление хозяйственных операций именно предпринимателями, реализуемая под свою ответственность, на свой страх и риск и направленная на получение дохода — ред.

² Набор из 17 взаимосвязанных целей и 169 соответствующих задач, разработанных в 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН в качестве плана достижения лучшего и более

(далее — ЦУР), в котором тесно переплетаются интересы российского предпринимательства и государства, что требует их кооперации в достижении ЦУР на основе интегрированного системного подхода для обеспечения устойчивого и счастливого будущего настоящих и будущих поколений [1]. В общей плане задачи, на выполнение которых направлены ЦУР, могут реализовываться только при таком понимании их назначения, что далеко не всем предпринимателям, домохозяйствам под силу. Выдвижение ЦУР на Генассамблее ООН является, как считают многие аналитики, результатом компромисса, достигнутого в ходе диалога между разными странами. Вероятно, это сочетание не только политического, но и экономического и социального компромиссов должно быть положено в основу взаимоотношений российского государства и предпринимательства для решения как внутренних, так и внешних проблем, в том числе возникающих в связи с санкциями, введенными странами Запада после 24 февраля 2022 г.

В современном глобальном сотрудничестве стран основное внимание уделяется борьбе с изменением климата, обеспечению энергетической безопасности и охране здоровья, хотя многие международные организации считают для себя важнейшей задачей достижение ЦУР 1 — ликвидацию крайней бедности,

устойчивого будущего для всех народов и названных в итоговом документе Генассамблеи «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

которая тесно связана с ЦУР 8 — обеспечение людей достойной работой и экономического роста домохозяйств и ЦУР 10 — сокращение неравенства внутри стран и между ними. В итоговом документе Генассамблеи «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принявшей набор из 17 взаимосвязанных целей, отдельно выделены страны Африки к югу от Сахары как наиболее уязвимые и требующие международной помощи для достижения основных целей устойчивого развития. Россия хотя официально не является участником института официальной помощи в целях преодоления социально-экономического отставания от стран с развитой рыночной экономикой (*Official development assistance*)³, вносит свой вклад, пусть и недостаточный, в ликвидацию крайней бедности, так как в качестве международного донора взяв на себя обязанности перед мировым сообществом, которые предусматривают достижение ЦУР.

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Выдвигая в качестве важнейшей задачей XXI в. сохранение экологического равновесия на Земле, ООН требует от мирового сообщества и бизнеса (межнациональных корпораций и национального предпринимательства) осуществления многообразных действий, направленных на достижение различных, но взаимосвязанных целей. Поэтому меры экологической направленности должны приниматься государствами в рамках достижения многих ЦУР, в том числе:

- обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства (ЦУР 12);
- сохранение морских экосистем (ЦУР 14);
- защита и восстановление экосистем суши, содействие их рациональному использованию, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и окончание процесса утраты биоразнообразия (ЦУР 15);
- борьба с изменением климата (ЦУР 13).

Экологические проблемы не только решаются с учетом взятых мировым сообществом и национальными правительствами обязательств на ближайшее (2030 г.) и отдаленное (2050 г.)⁴ будущее с учетом экономических и технологических возможностей глобальной

и национальных экономик, но и оказывают сильнейшее влияние на текущие политические процессы.

Процветание современного общества по сложившемуся консенсусному пониманию происходит и может достигаться в будущем только в экологических планетарных пределах или при условии соблюдения установленных ограничений, а осуществление такой стратегии развития является самой неотложной задачей, как следует из всех документов системы ООН начиная с 1972 г.⁵

2021 г. стал знаменательным благодаря принятию Советом по правам человека ООН резолюции *HRC/RES/48/13*, признающей важнейшим право человека на пользование чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой⁶. В решениях по экологическим вопросам вышеуказанная резолюция находит мощную поддержку разных структур в 15 организациях системы ООН, 1100 структурах гражданского общества, а также (что очень важно, так как речь идет о будущем) в международных и национальных детских и молодежных организациях. Это право человека необходимо для полной реализации всех его возможностей. Следовательно, право человека на пользование чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой должно соблюдаться не только Россией как государством с обширной территорией — «легких планеты», с одной стороны, но и ее предпринимательством — эмитентом выбросов парникового газа, с другой стороны. Государству же необходимо предусмотреть внесение изменений в финансово-правовой механизм ведения предпринимательской деятельности, направленных на стимулирование принятия мер по защите окружающей среды.

Изменение климата представляет собой еще одну угрозу стабильности государств, которая стала все чаще становиться предметом анализа всемирных организаций, например МВФ, который отмечает ее значимость в обеспечении устойчивого финансирования бизнеса и частного сектора, играющих первостепенную роль в переходе к «зеленой» экономике. В России же слабость частного сектора, с одной стороны, и преобладание среди компаний, ставящих перед собой задачу переходе к «зеленой» экономике, государственных холдингов и государственно-частных компаний, с другой стороны, будут замедлять переход предпринимательства к «зеленой» экономике и требовать больших государственных инвестиций.

³ Созданный в рамках ОЭСР институт помощи наименее развитым странам.

⁴ Отдельные страны устанавливают себе иной временной порог. Например, Индия — 2060 г.

⁵ Первый международный форум ООН по проблеме окружающей среды в Стокгольме.

⁶ The Human Rights Council's Resolution 48/13 of October 8, 2021.

При наличии конфликта между экономическим и экологическим аспектами устойчивости развития приоритет в его разрешении должен отдаваться окружающей среде, поскольку от нее зависят и общество, и экономика [1, р. 283]. Этот вывод согласуется с парадигмой сильной устойчивости, которая делает упор на экологию, а не на получение экономических выгод, и рассматривает экономику как подсистему общества, являющуюся в свою очередь подсистемой окружающей среды [2], которая в рамках ЦУР характеризуется, по мнению [3], размытыми показателями.

Поэтому социальные и экономические системы в отличие от природно-естественных систем, существование которых определяется «естественными» законами» как продукт деятельности людей, могут ими же изменяться в пределах устоявшихся естественных систем или экологических ограничений.

Отсюда в действиях по достижению ЦУР следует отдавать приоритет окружающей среде, от которой зависят и общество, и экономика. Данное утверждение обусловило появление научных работ с критикой финансиализации и товаризации природы [4], в одной из которых автор данной статьи, будучи противником роста и проявляя агностицизм в отношении роста по экологическим причинам, посчитал возможным содействие экономическому росту как средству сокращения бедности. Сторонники ограничения экономического роста исходят из научно обоснованного тезиса об экологических пределах ограниченной планеты. При этом они не связывают благополучие и процветание человечества с постоянно растущим потреблением [5]. Как сторонники, так и противники этой точки зрения, сходятся во мнении о том, что необходимость ограничения прежде всего промышленного роста, не возникает по отношению к бедным странам. Россия как по ее собственным обоснованиям, так и по градации Всемирного банка, не относится к этой группе государств, а имеет показатель валового национального дохода на душу населения, характерный для группы стран с доходом выше среднего [6]. Поэтому ее экономическое развитие и предпринимательская среда должны подвергаться экологическим ограничениям.

С одной стороны, считается, что основной причиной замедления роста является ограничение экономической экспансии Глобального Севера⁷,

⁷ Глобальный Север не является исключительно географическим термином и включает Австралию, Канаду, Европу, Израиль, Японию, Новую Зеландию, Сингапур, Южную Корею, Тайвань (ROC) и США.

чтобы давать людям Глобального Юга⁸ возможность удовлетворять свои материальные потребности для обеспечения благополучия на всей планете [7].

Таким образом, замедление роста обусловлено переориентацией экономики на обеспечение общественного благополучия, что может повлечь номинальный экономический рост на Глобальном Юге в краткосрочной перспективе. С другой стороны, кроме удовлетворения материальных потребностей, так называемый Юг требует финансовой помощи и получает ее как в целях развития, включая программы по достижению ЦУР, так и для проведения политики охраны окружающей среды, весь комплекс мер которой предусмотрен ЦУР 6, 7, 13, 14, 15.

Крупный российский бизнес, включая государственные холдинги, почти полностью ориентирован на сырьевые отрасли экономики, включая первый передел. Следовательно, он ограничен пределами безопасного рабочего пространства для человечества [8], и эти границы будут только сужаться⁹, что является неминуемым процессом в свете достижения ЦУР и целей Конференций ООН по вопросам изменения климата.

Поэтому «новый» бизнес¹⁰, без расцвета которого российская экономика не в состоянии перейти от догоняющей модели развития к современной модели, должен развиваться в других сферах и отраслях экономики, а не потому, что эта ниша уже занята естественными монополиями.

При переходе к «зеленой» экономике российским институциональным органам следует создавать такие условия, чтобы весь спектр товаров и услуг, предоставляемых экосистемами, включая те из них, которые в настоящее время не монетизируются, был полностью интегрирован в процессы принятия решений и государственной политики [1]. Повышение ценности экосистемных услуг с помощью механизмов, облегчающих осуществление инвестиций, принесет пользу населению местных сообществ и частному сектору, так как они станут

⁸ Под Глобальным Югом понимаются чаще всего государства Латинской Америки, Азии, Африки и Океании.

⁹ В современном мире признано, что экспорт оружия и ископаемого топлива относится к социально вредным товарам или услугам, и эта позиция разделяется ООН.

¹⁰ Под «новым» бизнесом понимаются сферы ИТ-технологий, услуг, организации досуга, мобильных приложений и т.д.

получать вознаграждение за бережное отношение к окружающей среде¹¹.

Программой ООН по окружающей среде ЮНЕП (UNEP, *United Nations Environment Programme*) в 2011 г. поставлена задача учета национальными правительственными органами *всего* спектра товаров и услуг, создаваемых/предоставляемых экосистемами с включением тех из них, которые в настоящее время не монетизируются. Эта задача не только не решена практически, но и оспаривается выдвижением теоретического тезиса об уникальности «зеленой» экономики, которая может напрямую превращать природный капитал в экономическую ценность.

Российские естественные монополии признают важность экологических проблем и экологической стабильности. Например, в «Татнефти» существует программа по снижению удельного выброса загрязняющих веществ в атмосферу, но ее недостаточно: за 2018 г. выбросы парниковых газов снизились только на 1%.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ АФРИКИ

Для достижения подавляющего большинства ЦУР необходим доступ к источникам энергии, по которым все страны можно условно подразделить на энергетически зависимые и независимые государства. В XXI в. происходят не только постоянный рост потребления электроэнергии и соответствующее увеличение ее производства, как это было начиная с промышленной революции, но и переориентация на возобновляемые источники, и структурная перестройка энергетической сферы. При этом все энергетически независимые страны стремятся решать так называемую «энергетическую трилемму», т.е. обеспечение баланса через интеграцию энергетических систем как способность страны поставлять энергию другим государствам, но при этом находя трудно улавливаемый баланс между экологической устойчивостью, социальным воздействием и безопасностью. В начале 2022 г. ЕС оказался именно перед такой трилеммой, отдав предпочтение первым двум критериям и пренебрегая третьим [10]. Россия позиционировала себя как энергетическая держава на саммите 2006 г. в Санкт-Петербур-

ге. Российские исследователи Э. Р. Салахетдинов и В. А. Сидоров считают, что у российского бизнеса имеется уникальный шанс осуществить технологическую привязку африканских стран к российским технологиям, имея в виду прежде всего в основном электроэнергетику в виде АЭС. Но единственным государством в Африке, обладающим действующей атомной станцией, является ЮАР. При этом, как подробно рассмотрено в [11], соглашения с Россией, США и Южной Кореей отменены судом, а межправительственные соглашения по ядерной энергетике с Францией и КНР сохранились. Поэтому при рассмотрении перспектив сотрудничества бизнес-структур России с африканскими странами предпринимателям следует основное внимание обращать на альтернативные источники энергии, которые могут создаваться средним и крупным бизнесом. Одна из таких станций построена в ЮАР по проекту дочерней компании российской группы «Ренова» *Avelar Energy*¹², специализирующейся на монтаже и установке солнечных панелей. Хотя мощность этой станции незначительна, важным является участие российской компании в проектировании и инжиниринге, обеспечивающим до 40% добавленной стоимости. Такое сотрудничество дает, как указано в [11, с. 150], дополнительный импульс к развитию российских энергетических технологий.

Однако при этом надо иметь в виду, что нормы правовой базы (*regulatory frameworks*)¹³ ЕС, касающиеся преобразования отходов в энергию (*Waste-to-Energy*), довольно противоречивы [10, р. 639]. Поэтому выход российских предпринимателей на рынок «зеленой» энергетики африканских стран возможен при условии совершенствования национальной правовой базы.

Развитию сотрудничества российского и африканского бизнеса во внешней торговле мешает отсутствие торговых соглашений на государственном уровне. Так, у России, в отличие от ЕС, США, Турции, стран Ближнего и Среднего Востока и самой Африки, нет соглашения о свободной торговле с Марокко. Поэтому если у 60 стран ввозная таможенная пошлина на продукцию отсутствует, российские экспортеры должны платить от 2,5 до 40% пошлины¹⁴. Следовательно, присутствие российского частного бизнеса как в этой стране Магриба, так и в других государствах, в том

¹¹ UNEP, 2011. *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication — A Synthesis for Policy Makers*. Nairobi: UNEP, 2011. 52 p. URL: www.unep.org/greeneconomy.

¹² «Ренове» принадлежит 51% акций *Avelar Energy*.

¹³ Ссылка на нормы ЕС связана с их продвинутой, как и норм ОЭСР, на фоне мировой практики.

¹⁴ URL: <https://ria.ru/20211020/tsinamdzgvrishvili-1755280844.html>.

числе к Югу от Сахары, зависит от государственной внешнеэкономической политики.

Если Россия не будет заключать соглашения о свободной торговле и соответственно расширять круг стран, имеющих благоприятные условия внешней торговли, то продвижение бизнеса российских предпринимателей будет продолжать выглядеть скорее экзотикой, чем долговременным процессом. С Банком Марокко у ЦБ РФ существует меморандум о взаимопонимании, но это лишь первая ступень сотрудничества, за которым должно следовать заключение соглашений. По мнению ЦБ РФ, меморандум обеспечит возможность взаимодействия финансовых регуляторов России и Марокко по вопросам денежно-кредитной политики, платежных систем, финансовой инфраструктуры, валютного законодательства, международных расчетов. Но, как отметил торгпред России в этом королевстве, меморандум означает *начало* диалога между нашими странами в сфере межбанковского сотрудничества. Он отметил также, что представители бизнеса обеих стран регулярно поднимают вопросы о необходимости присутствия российского банковско-финансового сектора в Марокко. Это могло бы облегчить участия российского бизнеса в государственных тендерах Марокко и в осуществлении импортно-экспортных операций с марокканскими партнерами. Марокко занимает среди африканских стран 4-е место по импорту из России и 3-е место по экспорту в Россию (2021 г.).

Торговые операции между Россией и Африкой находятся, несмотря на первый Саммит и Экономический форум «Россия — Африка» (Сочи, 2021), на недостаточном уровне. Рассмотрим индикаторы этих операций в сравнении со странами других континентов. Отметим, что российская экономика ставит экономику африканских стран в невыгодное положение, например российский экспорт в 2021 г. в страны Африки превышал африканский импорт в Россию в 7,8 раза, что не может не влиять на возможности будущего роста взаимной торговли ввиду нижеследующего.

Африка является емким потребительским рынком, на котором российский бизнес мог бы играть более весомую роль: население этого континента в два раза превосходит население стран Латинской Америки и Карибских островов (см. *таблицу*), а Нигерия, крупнейшая страна по населению в Африке, импортирует из России в 4,7 раза меньше, чем Египет, а экспортирует в Россию продукции лишь на 37,3 млн долл. США, что почти в 24 раза (!) меньше экспорта России в эту страну.

В 2021 г. Россия импортировала товары из 211 стран и территорий, в то время как экспортировала продукцию в 199 государств. Весь российский экспорт в 2021 г. оценивался в 492 314,3 млн долл. США и вырос по сравнению с ковидным 2020 г. на 46,0% и с доковидным 2019 г. — на 16,4% (соответственно в 2020 г. было снижение экспорта). Импорт был значительно ниже экспорта (на 40,4%) и увеличился в 2021 г. на 26,7% по сравнению с 2020 г. и на 20,4% — с 2019 г.

Как следует из *таблицы*, российский бизнес, включая государственные компании, продолжал ориентироваться до 2022 г. на европейский рынок. Вероятно, эта структура географической направленности торговли изменится в ближайшие годы, и такие быстрые изменения не могут не вызывать потери, но возникает вопрос об ориентации несырьевого бизнеса, на которую может оказать влияние само государство своей стимулирующей политикой. Доли экспорта стран Африки и Латинской Америки в Россию свидетельствуют об очень низком уровне взаимной торговли, не отвечающем потенциалу этих государств. Только четыре страны Африки входят одновременно в топ-10 стран — экспортеров и импортеров России, это — Египет, Марокко, ЮАР, Тунис. При этом в отличие от российского экспорта даже у первой по объему экспортирующей в Россию страны — Египта стоимость экспорта составила менее 1 млрд долл. США (796,9 млн долл. США в 2021 г.).

Торговля стран Африки и России отличается довольно узкой номенклатурой основной продукции: российские злаки составляют 22% всего российского экспорта, несмотря на падение их экспорта в 2021 г. на 41% по сравнению с 2018 г., а первое место с долей 24,3% занимает минеральное топливо (все виды). Из Африки Россия импортирует фрукты и орехи (31,1%), на 2-м месте — какао (16,2%)¹⁵. Как видим, и в экспорте, и в импорте почти половину всей торговли занимают всего две товарные группы. Только четыре африканские страны импортируют из России товаров больше чем на 1 млрд долл. США: Египет (4,18), Алжир (2,99), Сенегал (1,22), Марокко (1,21), хотя Россия экспортирует свою продукцию во все 54 государства Африки.

Роли малого и среднего предпринимательства в развитии российско-африканского сотрудничества уделяется совсем мало внимания по сравнению

¹⁵ URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c7%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c7c2%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1.

Экспорт и импорт России / Export and import of Russia

Темпы роста, % к предыдущему году / Growth rate, as a percentage of the previous year							Доля групп стран и России, в % / Share of groups of countries and Russia, in percent		
Импорт из России / Imports from Russian Federation				Экспорт в Россию / Exports to Russian Federation			экспорте/ импорте / export/ import	мировом ВВП / world GDP	населении мира / world population
Страны / countries of the world	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2021	2021	2021
Африки / Africa	74,1	93,6	121,2	94,9	95,3	129,2	0,66/3,06	2,84	16,72
ЛА+Карибы* / Latin America and the Caribbean	77,9	75,2	231,0	93,3	93,2	112,6	1,97/2,56	7,29	8,42
Азии / Asia	97,8	85,7	140,3	104,1	96,9	126,8	40,08/42,59	45,00	60,00
Других стран / Rest of the world	93,5	93,8	127,1	101,7	93,8	127,1	57,3/51,8	44,87	14,86
Всех страны / Russian Federation to world	94,1	79,7	146,0	102,4	95,0	126,7	100,00	100,00	100,00

Примечания / Notes: *ЛА+Карибы — страны Латинской Америки и Карибских островов.

Источник / Source: URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1.

с крупным бизнесом. Известный южноафриканский исследователь О.А. *Abisuga-Oyekunle* в своих работах о роли малого и среднего бизнеса в устойчивом развитии делает схожие выводы с теми заключениями, которые встречаются в многочисленных документах по развитию российского малого и среднего бизнеса.

В работе [12, р. 416–417] говорится о необходимости в полной мере использовать преимущества управленческих навыков, инноваций и знаний, которые имеются у многонациональных предприятий, для местного малого и среднего национального бизнеса. Совместные предприятия в России по многим причинам не стали своеобразными центрами передового опыта, особенно в передаче управленческих навыков и специфических знаний. В России более всего обращали внимание на инвестиции, связанные с вхождением иностранных партнеров в совместные предприятия. Но в работе

[12] даже вопрос об инвестициях ставится иначе: переток знаний и управленческих навыков в местные фирмы является одним из наиболее важных преимуществ прямых иностранных инвестиций в принимающих странах.

РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Выполнение Россией обязательств по ЦУР и возврат на траекторию устойчивого развития могут достигаться только благодаря осуществлению общенациональных усилий, под которыми понимаются многоступенчатые одновременные действия многих участников процесса развития — федерального правительства, властей регионов и муниципалитетов, компаний и частных домохозяйств. Необходимо подчеркнуть, что на уровне местных сообществ и муниципалитетов развитие и пре-

образование структур в интересах населения этих сообществ возможны в российских условиях только за счет расцвета малого бизнеса и индивидуального предпринимательства, что требует осуществления налоговой реформы. При этом государство в лице федерального правительства должно значительно расширить возможности и прерогативы региональных властей в области налогового регулирования частного бизнеса.

Можно использовать опыт Вьетнама — партнера России по соглашению о свободной торговле «Вьетнам — ЕАЭС», доказавшего, что экономическая свобода действий в регионах приносит впечатляющие результаты. Власти (правительства) вьетнамских провинций часто пользовались значительной свободой в своей интерпретации общенациональных реформ, что способствовало успеху национальной экономики благодаря принимаемым на уровне провинций моделям в развитии частного сектора [13]. Поэтому российские федеральные программы по так называемому «выравниванию» развития регионов-субъектов должны быть заменены политикой, определяемой в первую очередь нормативной базой, в которой большинство законов приняты в рамочной форме, дающей значительную свободу действий регионам федерального государства, имеющего огромные различия в пространственном развитии. Только такая нормативно-экономическая самостоятельность российских регионов может способствовать эффективному развитию малого предпринимательства и только за счет экономической свободы в рамках рамочных законов.

Последнее пятилетие в развитии малого предпринимательства в России нельзя назвать успешным. Численность занятых на малых предприятиях в российской экономике за 2017–2021 гг. снизилась почти на пятую часть — на 19,2%, или 1 млн 282 тыс. человек, что представляется явным проявлением регресса в развитии малых предприятий. При этом в 2018 г. численность работников на малых предприятиях уменьшилась по сравнению с предшествующим годом на 400,1 тыс. человек, а в пандемийный 2020 г. — на 508,5 тыс. человек, тогда как в другие годы этого периода снижение было значительно меньшим¹⁶. С учетом микропредприятий, доля которых среди всех малых предприятий составляла 47,3% в 2019 г. и 49,4% в 2021 г., малый бизнес потерял 6,1% работников за

2019–2021 гг., или 688,1 тыс. человек¹⁷. Поскольку Росстат не опубликовал данные за 2020 г., трудно судить о влиянии стагнации экономики, вызванной пандемией коронавируса, на динамику микро- и малого бизнеса, но если сравнивать с сокращением численности занятых только на малых предприятиях за этот же период: на –9,2%, или на 587,5 тыс. человек¹⁸, — микропредприятия пережили COVID-19 лучше¹⁹, чем малые и средние предприятия, а уменьшение их количества вызвано, так же как малого бизнеса, общеэкономической ситуацией.

Поэтому безотносительно к санкциям 2022 г. малый бизнес нуждается в содействии государства и в принятии с его стороны таких мер, которые значительно отличаются от уже предпринимавшихся и не вызвавших ожидаемого эффекта действий. Возвращаясь к теме экономического и торгового сотрудничества с африканскими странами, следует подчеркнуть, что государственные программы Нигерии по новейшей оценке также были либо недостаточными, либо недостаточно эффективными для решения проблем малого и среднего бизнеса [14]. При этом проблемы и задачи малого и среднего бизнеса нигерийские исследователи делят на две группы: внутренние и внешние. Поэтому российским ведомствам/институциям при разработке новых программ поддержки следует также отделять внутренние и внешние проблемы. Кроме того, большой вклад в макроэкономический и микроэкономический рост за счет развития местной промышленности, создания рабочих мест для местных жителей может быть обеспечен благодаря интернационализации малых предприятий, для чего нужны программы поощрения экспорта, как показывает пример другой африканской страны — Танзании [15].

К сожалению, российская статистика по-прежнему не разделяет ряд важных показателей для малого и среднего бизнеса, давая их в объединенном виде. Так, их доля во второй половине 2010-х гг. в валовом внутреннем продукте (далее — ВВП) составляла около пятой части, не показывая устойчивой тенденции ни к росту, ни падению. Последние данные по полному кругу собираемых официальной статистикой ин-

¹⁶ Рассчитано автором по: URL: <https://fedstat.ru/indicator/57800>.

¹⁷ Росстат не дает данные по микропредприятиям за тот же период, что и по малым предприятиям.

¹⁸ Рассчитано автором по: URL: <https://fedstat.ru/indicator/59570>.

¹⁹ Их доля в общем сокращении численности занятых составила только 14,6%, в то время как в общей численности работников — в 3,4 раза больше.

дикаторов опубликованы²⁰ только за 2018 г. Однако статистика по ряду показателей не включает сведения по микро-, малым и средним предприятиям, но имеющиеся данные за 2017–2018 гг. демонстрируют, что их динамика носила разнонаправленный характер. Так, в 2018 г. число малых и микропредприятий уменьшилось, а количество средних предприятий увеличилось. По показателю средней численности работников у малых и средних предприятий численность занятых снизилась, а у микропредприятий она выросла²¹. Оборотные активы у малых и микропредприятий увеличивались, а у средних — сокращались. Статистика по данным «капитал и резервы» за эти годы труднообъяснима. Так, у микропредприятий активы увеличились за один год на 14,4% (внеоборотные) и на 27,0% (оборотные), а рост объема капитала и резервов носил взрывной характер и составил 2,47 раза.

Количество малых и средних предприятий, которые осуществляли экспортную деятельность, по имеющемуся очень короткому ряду (2014–2018 гг.) росло очень неравномерно. В целом за этот период их число увеличилось на 365,7%, или в 4,7 раза у малых, и в 2,8 раза у средних предприятий, но в 2016 г. произошел обвал их численности и в начале 2017 г. он составил 46,3% у малых и 51,1% у средних предприятий по сравнению с предыдущим периодом (при том что в 2015 г. у малых предприятий наблюдался бум роста — в 2,36 раза). Такие резкие колебания свидетельствуют и о резких изменениях в нормативном поле деятельности этого бизнеса, а также влиянии Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г., принятой в 2016 г.²²

РОССИЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И КИТАЙ

Современные специалисты рассматривают финансовую мощь как ключевой элемент мягкой силы. Кроме того, финансовая сила²³ определяет многие

другие позиции государства в глобальной экономике, особенно в период продолжающихся попыток изменить корзину мировых резервных валют. По данным, приводимым МВФ, доля используемого в международных платежных операциях юаня составляет около 3%, такова же его доля в мировых валютных резервах²⁴.

Многие специалисты, например Э.С. Прасад (Института Брукингса) [16], Л.Н. Красавина (Финансовый университет, Россия) [17] считают, что значимость юаня почти наверняка будет увеличиваться по мере роста китайской экономики и ее финансовых рынков, что обусловлено поведением иностранных инвесторов, включая центральные банки, если они будут вкладывать большую часть своих портфелей в активы, деноминированные в юанях, но при этом по причинам, не относящимся к диверсификации. Поэтому следует принимать во внимание и контртенденции, замедляющие рост международного использования юаня, прежде всего сокращение темпов роста китайской экономики и расширение инвестирования другими ведущими экономиками, направленное на противодействие такой китайской программе инвестирования в экономики развивающихся стран, как инициатива «Один пояс — один путь». Кроме того, общепризнано, что Китай нуждается в модернизации своей институциональной структуры, а задержка или неверная политика модернизации также ослабляют роль юаня. Кроме того, фискальная и денежно-кредитная политика правительства США оказывает значительное влияние на большую часть мира благодаря влиянию на стоимость доллара, что позволяет экономике США значительно превосходить свой реальный вес в мировом ВВП и мировой торговле. Любые санкции США по ограничению доступа какой-либо страны к мировым финансам наносят ей заметный урон, как показал пример Ирана. Поэтому для российских предпринимателей важна возможность использования юаня в международных платежах при взаимодействии с китайским бизнесом, а расширение влияния юаня может расширить эти границы. Кроме того, центральные банки Китая, САР Гонконг, Таиланда и ОАЭ сотрудничают в реализации инициатив по использованию новых технологий, позволяющих повышать эффективность платежных и расчетных

сами) — внутренний показатель финансового потенциала государства.

²⁴ URL: https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/06/enduring-preeminence-eswar-prasad?utm_medium=email&utm_source=govdelivery.

²⁰ Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: Стат. сб. Росстат. М., 2019, с. 9. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf.

²¹ Также выросла в 2018 г. занятость в сфере индивидуального предпринимательства: численность занятых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности в целом с учетом партнеров и помогающих членов семьи (2,8%), численность фактически действующих индивидуальных предпринимателей (2,4%), численность наемных работников 4,8%.

²² Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р.

²³ Под этим термином подразумевается финансовая сила (мощность) государства, предприятия (наличие возможностей эффективного распоряжения финансовыми ресур-

механизмов для трансграничных транзакций, проводимых их внутренними финансовыми учреждениями. Они объявили о начале проекта создания цифровой валюты центрального банка для трансграничных платежей (*m-CBDC Bridge*)²⁵. Названная финансовая мощь связана также с мерой инновационного развития банковской системы: уровнем использования новых технологий и способностью национальных кадров разрабатывать такие технологии.

Российский бизнес, устремляющийся на восток, не является чем-то особенным в новых направлениях мировой торговли. Общеизвестно смещение центра экономической мощи, измеряемой долей мирового производства и торговли, в сторону развивающихся стран и в том числе Китая. Но при этом необходимо учитывать геополитический сдвиг, который обнажает основные линии разлома и считается МВФ внезапным.

Этот разлом, который некоторые экономисты называют фрагментацией глобальной экономики, вызывает деление экономики на «отдельные экономические блоки с разными идеологиями, политическими системами, технологическими стандартами, трансграничными платежными и торговыми системами и резервными валютами» [18]. Сотрудничество российского местного бизнеса, особенно предприятий Сибири и Дальнего Востока, с бизнесом стран Южной и Юго-Восточной Азии может способствовать противодействию и даже нейтрализации ужесточения финансовых условий, которое в большинстве случаев приводит к ослаблению экономической активности. Этому ужесточению способствует и снижение доли заемных средств финансовыми компаниями, которое будет нарастать в российской экономике, мешая

развитию малого и среднего предпринимательства. Возможные факторы уязвимости, усиливающие негативные потрясения и ослабляющие экономическую активность, подробно проанализированы в последнем докладе МВФ (2022 г.) *Global Financial Stability Report*, где поддержано принятие мер по усилению надзора за небанковскими финансовыми учреждениями, которые после кризиса играют более важную роль в посредничестве, но отмечено, что рост их участия может сделать систему более уязвимой. Вероятно, это связано с задачей МВФ лучше сканировать глобальный финансовый ландшафт. В нашей стране это задача весьма проблематична не в последнюю очередь из-за собираемых и публикуемых данных. На основании имеющихся публикаций Росстата трудно ответить на вопрос: какова роль небанковских финансовых учреждений в России? Если судить по динамике численности небанковских кредитных организаций, то с 2016 г. они также переходят к стагнации в своем развитии.

В заключение можно отметить, что, ставя долгосрочные цели в системе ЦУР и отслеживая меру возможности их достижения, эксперты ООН должны исходить из долговременности этого процесса и поэтому не акцентировать внимание на колеблющихся временных помехах или влияющих элементах. Так, в ЦУР 17, на достижение которой значительное влияние оказал и оказывает COVID-19, особую тревогу экспертов ООН вызывает перспектива нового долгового кризиса, который усугубляется из-за падения цен на нефть. Но в действительности падение цен на нефть хотя и было очень резким, оно продолжалось менее одного года (в 2020 г.), но уже в начале 2021 г. цена на нефть вернулась к допандемийному уровню и продолжает расти в 2022 г., что ставит перед мировым сообществом другие проблемы и задачи.

²⁵ URL: <https://www.hkma.gov.hk/eng/news-and-media/press-releases/2021/02/20210223-3>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Kreinin H., Aigner E. From “Decent work and economic growth” to “Sustainable work and economic degrowth”: a new framework for SDG 8. *Empirica*. 2022;49:281–31. DOI: 10.1007/s10663-021-09526-5
2. Ayres R., van den Berrgh J., Gowdy J. Strong versus weak sustainability: economics, natural sciences and ‘consilience’. *Environmental Ethics*. 2001;23(1):155–168. DOI: 10.5840/enviroethics200123225
3. Elder M., Olsen S.H. The design of environmental priorities in the SDGs. *Global Policy*. 2019;10(S 1):70–82. DOI: 10.1111/1758-5899.12596
4. Spash C.L. Apologists for growth: passive revolutionaries in a passive revolution. *Globalizations*. 2021;18(7):1123–1148. DOI: 10.1080/14747731.2020.1824864
5. Jackson Tim. Prosperity without growth: economics for a finite planet. 2nd edition. London: Routledge; 2016. 350 p.
6. Ткаченко А.А. Цели устойчивого развития и проблемы измерения бедности и нищеты. *Вопросы статистики*. 2022;29(1):78–87.

- Tkachenko A.A. Sustainable development goals and problems of measuring poverty and poverty. *Questions of statistics*. 2022;29(1):78–87. (In Russ.).
7. Bergius M., Buseth J. T. Towards a green modernization development discourse: the new green revolution in Africa. *Journal of Political Ecology*. 2019;26(1):57–83.
 8. Görg C., Brand U., Haberl H. et al. Challenges for social-ecological transformations: contributions from social and political ecology. *Sustainability*. 2017;9:1045.
 9. Foster G., Kreinin H., Stagl S. The future of circular environmental impact indicators for cultural heritage buildings in Europe. *Environmental Sciences Europe*. 2020;32(141):1–17.
 10. Malinauskaite J., Jouhara H. The trilemma of waste-to-energy: A multi-purpose solution. *Energy Policy*. 2019;129:636–645.
 11. Салахетдинов Э.Р., Сидоров В.А. Российские проекты и энергетическое сотрудничество в Южной Африке. *Проблемы прогнозирования*. 2018;168(3):142–151.
Salakhedinov E.R., Sidorov V.A. Russian projects and energy cooperation in South Africa. *Forecasting problems*. 2018;168(3):142–151. (In Russ.).
 12. Abisuga-Oyekunle O.A., Patra S.K., Muchie M. SMEs in sustainable development: Their role in poverty reduction and employment generation in sub-Saharan Africa. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development*. 2020;12 (4):405–419.
 13. Jaax A. Private sector development and provincial patterns of poverty: Evidence from Vietnam. *World Development*. Elsevier. 2020;127(C):1–19.
 14. Anderson W. Internationalization opportunities and challenges for small and medium-sized enterprises from developing countries. *Journal of African Business*. 2011;12(2):198–217.
 15. Pulka B.M., Gawuna M.S. Contributions of SMEs to employment, gross domestic product, economic growth and development. *Jalingo Journal of Social and Management Sciences*. 2022;4(1):1–18.
 16. Prasad E. The US dollar might slip, but it will continue to rule. *Finance & Development*. June 2022:12–15. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/06/enduring-preeminence-eswar-prasad>.
 17. Красавина Л.Н. Интернационализация юаня: особенности и значение опыта КНР для России. *Банковское дело*. 2014;8:38–43.
Krasavina L.N. Internationalization of the yuan: features and significance of the PRC experience for Russia. *Banking*. 2014;8:38–43. (In Russ.).
 18. Gourinchas P.-O. Shifting geopolitical tectonic plates. *Finance & Development*. June 2022:10–11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Александрович Ткаченко — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander A. Tkachenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher at the Institute of International Economic Relations Research of the Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

aatkachenko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.07.2022; принята к публикации 15.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 14.07.2022; accepted for publication 15.09.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.